

Давно, очень давно случилось это. Русские уже тогда промышляли омуля на Байкале и в рыболовецком деле не уступали коренным жителям Славного моря — бурятам да эвенкам.

А первым среди умельцев-добытчиков значился дедко Савелий — недаром в вожаквах полжизни проходил и морем кормился сызмальства. Крепко свое дело знал старый рыбак: подходящее место найти и время для лова выбрать верное — это уж из его рук не выскочит. Родову свою дедко Савелий вел от рыбаков русского поселения Кабанска, а кто не знает, что кабанские рыбаки по всему Славному морю за самых фартовых промысловиков считаются!

Излюбленным угодьем дедка Савелия был Баргузинский залив, где он и неводил чаще всего. Плес этот близок от Кабанска, но байкальскому рыбаку приходится выезжать зачастую и дальше: в поисках омулевых косяков на одном месте не засидишься.

Как-то утром, после удачного замета, рыбаки позавтракали жирной омулевой ушицей, напились крепкого чая и расположились у моря на отдых. И потекла у них беседа о том, о сем, а больше — о той же рыбе, о ее

повадках, о тайнах морских глубин.

А был в этой артели особо пытливым парень, большой охотник послушать бывалых рыбаков, у которых уму-разуму набраться можно. Хлебом молодца не корми, а уж если что запало в душу — дай разобраться, без этого и спать не ляжет, себе и людям покоя не даст. Звали парня того Гаранькой, а родом он был откуда-то издалека, потому и хотелось ему побольше узнать о Славном море. Неспроста и дедка Савелия держался он близко и все норовил выведать у него что-нибудь, донимал вопросами всякими, а у того и в привычке не было, чтоб с ответом медлить — всегда человека уважит.

И на этот раз Гаранька сидел рядом с дедком Савелием и слушал все, о чем он рассказывал, а потом вдруг и спросил его:

— А правда, что здешние ветры имеют власть над рыбами?

На это дедко Савелий ответил не сразу. Поглядел он на Гараньку с удивлением и спросил:

— О бочке, что ль, прослышал? Гаранька того больше удивился.

— О какой такой бочке? Ничего не знаю...

— Есть такая... омулевая. Особенная она — бочка та. Волшебная...

У Гараньки даже дух захватило от услышанных слов, он и пристал к дедку Савелию:

— Так расскажи о ней. Расскажи, дедко!

Дедко Савелий куражиться не любил. Набил трубку табаком, раскурил ее от уголька и, видя, что не только Гаранька, но и все остальные рыбаки наострили уши, неторопливо начал:

— Дело-то из-за рыбы нашей байкальской получилось, а как давно это было и как это открылось миру — неведомо мне. Старики рассказывают, а им вся вера. Над рыбными угодиями тогда, сказать надо, хозяйничали тут ветры-великаны — Култук и Баргузин, по первости — хорошие приятели. А страшилища были оба — словами не передать! Густые волосы разломачены, пеной брызжут почище бесноватых, пойдут гулять по морю — света белого не увидишь! Любили они друг к другу в гости ходить — поиграть, повеселиться. А для забавы была у них одна на двоих игрушка чудесная — омулевая бочка. На вид простенькая такая, обыкновенная, какие и

теперь наши бондари делают, а вот силу-то как раз имела необыкновенную: куда плывет она, туда и омули неисчислимыми косяками тянутся, будто в бочку ту сами просятся. Ну, это и забавляло великанов. Налетит на Култука Баргузин, расшумится, выкинет бочку из пучины да и бахвалится:

— Гляди-ка, сколько рыбы нагнал! Видимо-невидимо! Попробуй проворотить!

А Култук выждет свое время, подхватит бочку ту на хребет и посылает ее обратно со смехом:

— Нет, ты лучше на мои косяки погляди да полюбуйся: чай, побольше будет-то!

Так и вводили они друг друга в задор. Не то чтобы им нужна была эта рыба или за богатство какое они считали ее, а просто нравилось им проводить время как можно озорнее. Прикинуть в уме ладом, так будто и не такое уж заманчивое занятие, а вот не надоедало им. И донине, пожалуй, так перекидывались бы они омулевой бочкой, да вдруг крутенько повернулась им эта забава.

А получилось вот что.

Полюбили богатыри Сарму, горную богатыршу, хозяйку Малого моря. Оно называется так потому, что от Большого моря, Байкала, отделяет его остров Ольхон. А у Сармы свой путь по волнам проложен, и если уж разгуляется она каким часом, то добру не бывать: нрав-то у нее покруче, чем у Баргузина с Култуком, да и силы побольше. А кого не заманит иметь такую могучую женушку?

Вот раз Баргузин и говорит Култуку:

— Хочу жениться на Сарме — сватов засылать буду...

Известное дело, не больно-то по сердцу пришлось Култуку такие слова, но он и виду не подал, что они задели его за живое. Только и сказал с усмешкой:

— А это уж как ей поглянется. Я-то ведь нисколько не хуже тебя и тоже хочу, чтоб она была моей женой. Вот pošлю своих сватов, а там видно будет, за кого пойдет Сарма.

На том и порешили. Без спору и обиды, по доброму согласию. А в скором времени и ответ от Сармы принес баклан — птица морская:

— Замуж выходить меня пока неволя не

гонит, но приглядеть жениха надо. А вы мне нравитесь оба — и видные-то, и веселые. Однако ж кто из вас лучше, судить буду после, когда увижу, кто скорее исполнит мое желание. А желание мое таково: подарите мне свою чудо-бочку, хочу, чтобы и мое Малое море кишело рыбой. И кого я увижу с бочкой первого, того и назову своим мужем!

Совсем нехитрым показался богатырям каприз невесты, только и делов — завладеть бочкой, выкинуть ее в Малое море, и гуди победу — станешь женихом.

Ан не тут-то было! В той кутерьме, которую враз подняли ветры-великаны, когда отлетел баклан, никак нельзя было определить, кто кого осилит. Только Баргузин ухватился за бочку, Култук тут же вышибет ее и норовит за собой оставить, но через миг бочка снова в руках Баргузина. Ни в какую друг другу уступить не хотят. Так остервенились, что по всему Байкалу слышно было, как они ворочаются и режут. Да и бочке ладно доставалось — только знай поскрипывает да летает с места на место.

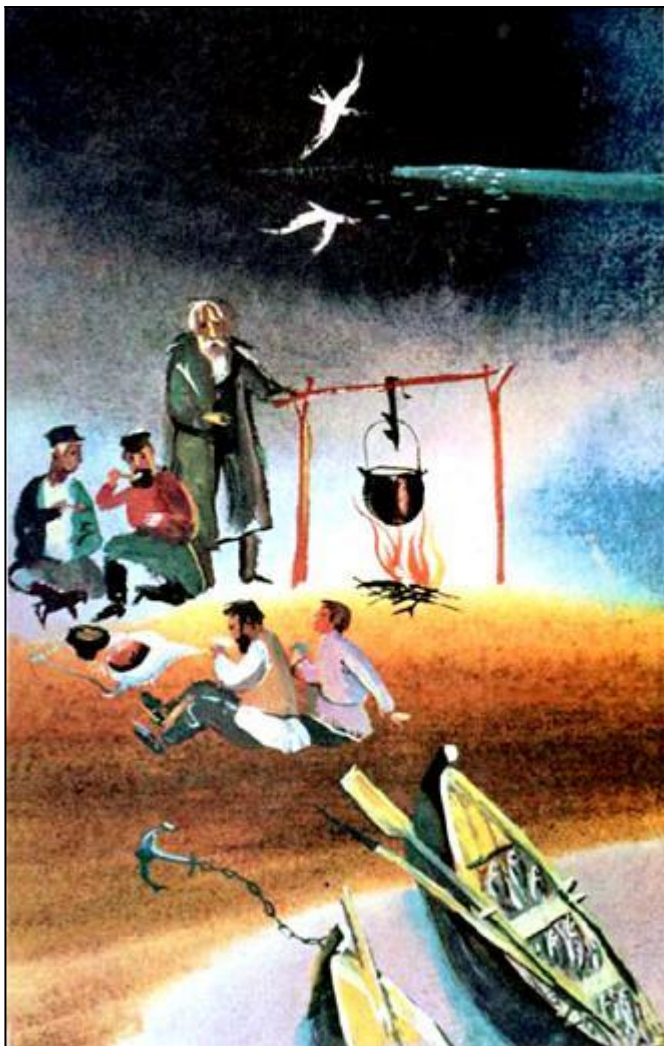
Наконец изловчились богатыри, враз ухватились за бочку да так и застыли: ни тот, ни другой высвободить бочку не может, поскольку силы-то у обоих одинаковые. И только было они хватились

снова бороться — глядь, а бочки-то и не стало видно. Пометались, пометались разъяренные ветры-великаны да и затихли, утомились от напрасных поисков. Решили подождать, когда бочка всплывет вверх. А только напрасно на то надеялись: бочки будто и вовсе не бывало. День прошел, за ним другой, потом недели полетели, месяцы, а бочки все нет и нет. Ветры-богатыри и понять не могут: с чего так получилось? Измучились от дум да от мук сердечных, а как облегчить дело — не знают. После уж от самого Байкала узнали, что это он отобрал у них бочку-то и запрятал ее в своих глубинах. Это был его подарок ветрам, а увидел, что из-за чудесной бочки раздор между ними пошел и что по совести решить дело они не хотят, так и отобрал сразу. Ему какое дело, что Култук и Баргузин Сармы из-за этого лишились.

Сарма сперва терпеливо ждала, чем кончится состязание, а как узнала, так сразу и послала своего верного баклана передать богатырям, что она ни за кого из них замуж не пойдет. Не собирается и за других выходить: одной лучше. Да еще так упрекнула: какие-де вы богатыри, раз не сумели бочку удержать в руках! Я-де гораздо сильнее вас и бочку ту сама как-нибудь достану.

Култук же и Баргузин до сих пор друг друга не знают — каждый ходит своим путем-дорогой. А ежели по старой привычке и делают набег один в сторону другого, то попеременно, каждый в свое время, чтоб, значит, не встречаться: стыдятся, что оплошал когда-то с бочкой-то. И больше для того погуливают, чтоб поглядеть: а не обозначится ли где чудесная пропажа? Так и разошлись в разные стороны Култук, Баргузин и Сарма, и, где находится сейчас омулевая бочка, никто не знает...

Кончил свой рассказ дедко Савелий и перевел дух. Вздохнул и Гаранька — будто воз на гору затащил. Так всегда бывало с ним: слишком уж заслушивался он, когда кто рассказывал что-нибудь удивительное, — лицом даже каменел. Перебивать он никогда не перебивал рассказчика, а неясное все на память брал, чтобы потом не скупиться на вопросы. Так и тут получилось.

— А может, Сарма и в самом деле достала ту бочку? — спросил он у дедка Савелия.

— Ничего нет удивительного, — ответил он.

— Сарма самая сильная из ветров-великанов, ее сам Байкал боится и устоять перед ней не может, готов исполнить любую ее прихоть. А Сарма-то, Гаранька, такая: побалуует-побалуует да вдруг ко всему и охладает, отступится...

С той поры глубоко запала в голову парня дума о чудесной омулевой бочке, которую прячет где-то в своих глубинах батюшка Байкал.

«Вот бы напасть на нее да к рукам прибрать и на себя обратить в нашем рыбацком деле», — мечтал он по ночам и все ждал, когда представится такой случай.

И вот артель приступила к замету в

Баргузинском заливе. Работали рыбаки дружно, но на этот раз им не повезло: улов оказался ничтожным. Закинули невод вторично — опять неудача: рыбы вытащили что кот наплакал.

— Так не пойдет дело, — нахмурился дедко Савелий. — Рыбы здесь нет, да вроде и не предвидится. А не поплыть ли нам в Малое море, в Куркутскую губу, авось там пофартит...

Рыбаки согласились.

Приплыли они в Куркутскую губу, поставили шалаш из бересты на берегу и подготовили снасть к замету.

А плес такой облюбовали, что и желать лучшего не надо! Тут и скалы подряд могучие да высокие, и тайга-матушка непроходимая, а над водой чайки да бакланы летают и кричат. С неба лазоревое солнышко светит и греет ласково, а воздух такой медовый разлит вокруг, что и надышаться невозможно.

Однако дедко Савелий, глянув на небо, нахмурился вдруг.

— Не быть сегодня удаче. Видите, над ущельем белые кольцевистые морока появились, навреде тумана, а над ними средь неба ясного такие же стоят недвижимо. Непременно вскорости Сарма пожалует.

Гаранька так и обмер.

— Неужели доведется увидеть богатыршу эту?

— Доведется.

Сказал это дедко Савелий и велел все прибрать и запрятать в скалах, а шалаш снести — все равно де Сарма разрушит его. И только управились с делами рыбаки, как точно — ударил с угрюмых гор сильный ветер и вокруг сразу стало темным-темно. Зверем заревело Малое море, затрещали на его берегах вековые деревья, со скал полетели в воду огромные камни...

Гараньке хоть и не по себе стало от такой страсти, а любопытство все же взяло свое, высунулся

осторожно из-за укрытия.

Видит: нависла над морем огромная, будто из дыма сотканная голова женщины, страшная и лохматая. Волосы пепельного цвета с проседью, щеки что студень, так и трясутся, изо рта пар густой валит, а губы что мехи кузнечного горна, так волны и вздувают, нагоняют друг на друга.

— Ох, и сила же! — подивился Гаранька и скорей обратно в укрытие полез.

Дедко Савелий встретил парня с улыбкой:

— Ну, как Сарма? Приглянулась?

Гаранька затрясся.

— Ой, дедко, век бы с ней не видеться и не встречаться!

— Да, Гараня, красоту всяк по-своему понимает. Тебе страшна, а для Култука или, скажем, Баргузина — не сыскать краше. Так-то.

Долго ли, коротко ли бушевала разъяренная Сарма, а все же наконец стихла. И когда над Куркутской губой снова заликовало солнышко, вышли рыбаки из своего укрытия и видят: на прибрежном песке, около их стана, лежит прибитая волнами бочка, а на бочке той баклан черный, как обугленная головешка, сидит. Сидел он недолго, поднялся и улетел, а на его место села чайка, белая-белая, и начала клювом копать в своем крыле.

Рыбаки, конечно, диву дались. И у всех сразу одна дума в голову ударила: уж не та ли это чудесная омулевая бочка всплыла, которую Баргузин и Култук потеряли в давнишнем споре? Но вымолвить этого не смеют —

глядят на дедка Савелия и ждут, что он скажет.

Не хватило терпения у одного лишь Гараньки.

— Дедко... она, поди, а?

А тот и сам оторопел, молчит да посматривает на берег исподлобья. Наконец одумался и команду дал:

— Идите за мной!

И повел рыбаков на отмель. Чайка, завидя людей, взмахнула крыльями, закричала что-то по-своему, да и взмыла в воздух. И тут, откуда ни возьмись, другие чайки, а с ними и бакланы поналетели, и такая их тьма объявилась, что неба не видно стало. И начали они всем скопом в море нырять и рыбу доставать да пожирать.

— Добрая примета! — молвил дедко.

А когда подошел и глянул на бочку — не стал сомневаться и тут: по всем признакам бочка та, — и сделана на диво добротнo, и выглядит краше всяких других, и дух от нее исходит такой остропрямый!

— Ну, Гаранька, теперь-то нам будет удача, — сказал парню дедко Савелий и поглядел на море. А там тоже перемена. То были разные полосы воды: светлые — теплые, и темные — холодные, рыбой не терпимые, и вот на тебе: никаких полос и слоев, одна ровная, одинаковая поверхность. И это дедко Савелий за хорошую примету принял. Повернулся он к рыбакам и сказал весело:

— Сдается мне — богатый ноне улов будет! Тут не надо и воду щупать и корм рыбий искать.

А рыбакам уже и не до того — иная у них забота: что с бочкой делать, куда ее девать, как сохранить?

— Пусть пока тут полежит, не будем время терять, — решил дедко Савелий.

Рыбаки принялись за дело: погрузили в мореходку снасть и выехали в море на замет.

Вот плывут они не спеша и невод помаленьку в воду выбрасывают. А когда выбросили, дедко Савелий крикнул на берег:

— Ходи!

Сам одной рукой кормовое весло к бедру прижимает, правит, а другой бороду поглаживает и улыбается. Удачу чует. Глядя на жоака и остальные рыбаки готовы чуть ли не песни петь, да удерживаются: не хотят прежде времени радость свою показывать.

Не дремали и оставшиеся на берегу, — начали они вертеть ворота и наматывать на них концы невода, чтобы вытащить его на берег. И тут заметили рыбаки с баркаса, что на плесе какая-то заминка вышла: остановились люди.

— Что там? Заело? — подал голос с кормы дедко Савелий.

— Да нет, — закричали с берега. — Тянуть больше не можем, не под силу!

— Экая напасть приключилась, — удивился жоак, башлык по-местному, и давай торопить гребцов, чтоб поднажали. — Надо помочь ребятам.

И вот уже вся артель за ворота встала.

— А ну, ходи! — скомандовал дедко Савелий.

Приналегли ребята, поднатужились. Что такое? Ворота ни с места. И от помощи никакого толку не вышло. Рыбаки еще больше удивились и забеспокоились.

— Хилое дело... — вздохнул башлык и даже затылок почесал от досады. Не рад стал, что столько рыбы зачерпнул своим счастливым неводом.

— Не достать ведь, ребята, по всему видать. Что делать будем?

А что оставалось рыбакам? Один и был исход: распороть мотню и выпустить рыбу на волю. Сколько ни судили, сколько ни рядили, только время дорогое потратили, сошлись все же на том, чтобы хоть невод пустой вытащить.

Так и сделали. Выехали в море на подъездке, распорол мотню у невода и выволокли его на берег. К вечеру высушили невод и починили. И тут дедко Савелий по упрямству своему решил еще раз испытать счастье — что выйдет.

Рыбаки возражать не стали.

Но и второй замет таким же колесом пошел.

Пришлось снова распороть мотню. С тем и заночка. Наутро дедко Савелий уже не решился выходить в море, предусмотрителен стал. Но и делать что-то надо было. С пустыми руками возвращаться — кому охота? Собрали совет. Дедко Савелий предложил: — Надо, ребята, волшебную бочку в море пустить. Тогда опять все пойдет своим чередом. Согласны, что ль? Эх и прорвало тут Гараньку! Вскочил он, закричал:

— Да разве можно бросать такую бочку, дедко? Нам счастье в руки дается, а мы отказываемся от него! Ведь столько рыбы никому не доводилось захватывать! Да с такой бочкой весь свет завалить рыбой можно! Неужели мы такие дураки будем, что выбросим ее?

Дедко Савелий выслушал Гараньку спокойно, а потом так же спокойно сказал:

— Чудак ты, Гаранька! Какое же это счастье, если рыбы много, а взять ее нельзя? Пусть лучше меньше будет, да все в руки нам попадет. Не жадничай, паря, как жадничала Сарма. Ей-то самой надоело, так нам задачку задала, озорница...

А Гаранька на своем стоит:

— Приноровимся еще, — говорит, — и по столько будем вытаскивать! Ведь вот есть бочка, и рыба есть, а наперед будет или нет — никто не знает.

Но дедко Савелий уже и слушать не стал, сказал твердо:

— Пошли, ребята!

Делать нечего — поднялись рыбаки. Скрепя сердце подался за ними и Гаранька. Около воды остановились, полюбовались еще раз бочкой и столкнули ее в море.

— Пусть по всему Байкалу плавает, а не в одном месте, — махнул рукой дедко Савелий. — Глядишь, лишняя рыба уйдет в Большое море, и тогда везде будет богато ею. А достать рыбу мы всегда достанем, только бы руки да сноровка при нас остались.

А Гаранька совсем в уныние впал, когда увидел, что волны подхватили волшебную омулевую бочку и понесли ее вдаль.

И вдруг из лазоревое море стало темным, потемнело и небо, заволось тучами, и все вокруг загудело, заходило ходуном. И волны поднялись такие огромные, что закрыли бочку.

Дедко Савелий нахмурился.

— Баргузин подул, быть нам и сейчас не при деле. Пусть побалуует...

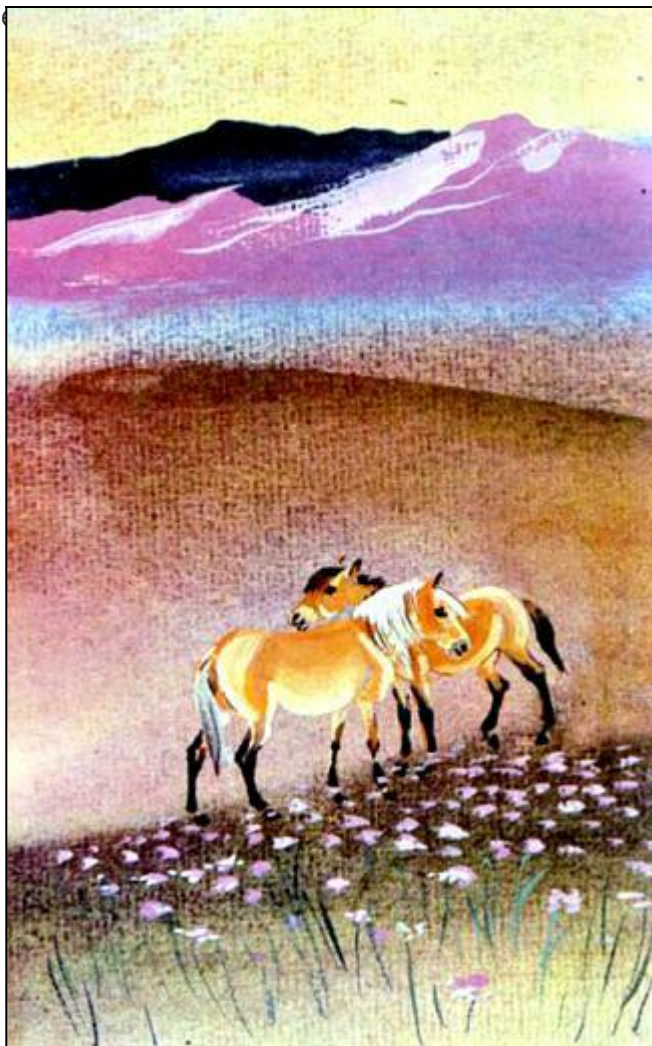
Услыхал Гаранька про Баргузина — куда и обида делась!

Кинулся к дедку Савелию:

— Неужели и этого богатыря увидеть доведется?

— А ты на море погляди...

Гаранька глянул — и ахнул: за дальними волнами, там, где море сходилось с небом, поднялась страшная голова с огромными мутными глазами и всклокоченными белопенными волосами, с которых змейками-струями стекала вода. А потом над водой вытянулись крепкие жилистые руки и по всему морю разнеслось, как гром.

— Э-ге-гей!!!

От богатырского зычного крика море заволновалось еще пуще, и Гараньке стало совсем не по себе.

— Ох и чудище! Хоть и не Сарма, а боязно... Но на море глядит, за Баргузином следит.

А тот — свое:

— Э-ге-гей!!!

И тут заметил Гаранька, что в руках Баргузина появилась волшебная омулевая бочка. И не успел парнишка глазом моргнуть, как бочка эта была отброшена богатырем далеко-далеко. И в ту же минуту море успокоилось: тучи рассеялись, и над водами снова занялось солнце, а Баргузина и след простыл.

Дедко Савелий заулыбался:

— Видать, на мировую дело идет. Непременно сейчас Култук откликнется...

— И его мы можем увидеть? — разинул рот Гаранька.

— Сдается, что так.

И только успел сказать эти слова старый башлык, как море из лазоревое снова стало темным, потемнело и небо, заволокло тучами, и все вокруг загудело, заходило ходуном. И волны по всему морю поднялись такие огромные, что за ними ничего сперва и не видно было, а только через минуту появилась зеленокудрая голова другого страшилища, и на всю морскую ширь громовым раскатом пронеслось:

— Э-ге-гей!!!

Хоть и ожидал появления Култука Гаранька, а все же от крика этого так и обмер, слова вымолвить не смог. А еще больше удивился он, когда увидел в руках Култука волшебную омулевую бочку, которую тот через минуту кинул назад: что-то будет теперь.

А ничего и не было. Просветлело, успокоилось море, и все вокруг озарилось солнечными лучами. Култук исчез, исчезла и чудесная игрушка богатырей — омулевая

бочка.

— Мир, ребята, — сказал дедко Савелий. — Видать, Баргузин и Култук будут теперь играть волшебной бочкой, как играли раньше, до ссоры. Согласие между ними установилось. И завидовать друг другу — у кого больше, у кого меньше рыбы — они уже не будут. Всем хватит.

А на морской поверхности между тем снова разные полосы появились: и светло-голубые теплые, и иссиня-черные холодные. Но эта перемена не обескуражила дедка Савелия.

— Ловить рыбу будем так, как ране ловили, — сказал он. — Потрудимся с честью — добудем рыбы, а нет, так брюхо подтянем. В полдень замечем невод...

И вот в полдень повел дедко Савелий свою артель в море. Выметали невод, поплыли назад. На берегу уже концы тянуть начали. Ходко пошло дело! А что рыбы вытащила на этот раз артель дедка Савелия, так не скажешь словами: видеть надо!

Повеселели рыбаки, ожили. Легко стало на сердце и у дедка Савелия. Повернулся он к Гараньке, усмехнулся:

— Ну, будешь еще попрекать меня волшебной бочкой?
Весело улыбнулся Гаранька и ничего не сказал.